

В Е Т Е Р А Н

— Вот такое дело, — растерянно сказала Надя Родкина и осторожно, как раскаленную, тронула испорченную деталь.

— Эх, молодежь... утром не разбудишь, вечером не найдешь, — вздохнул Виктор Александрович, рассматривая валик.

— Да нет, просто книга интересная попала, вот и...

— Ладно, — прервал ее Иканин. — Пораскинь сама умом: ты нарезала сначала мелкую резьбу, перевернула заготовку и выточила крупную. А мелкая смялась. Наоборот надо было.

Увидев, что девчонка понурилась, бригадир усмехнулся:

— Да ты не дуйся, как мышь на крупу. На-ка вот еще заказ.

— Ой, так я же такие шпильки никогда не точила!

— А ты не бойся. Смелость — города берет... Да, сегодня у вас комсомольское собрание. Чтобы была.

— А работа?

— Ты проворная, успеешь. Добрými глазами поверх очков смотрел бригадир

вслед молодому токарю. Она понравилась ему еще тогда, когда была здесь на практике. Надя бралась за дело горячо, азарт-

но и... часто бестолково. Задала она хлопот, пока стремление не вылилось в сноровку. А когда девчонка закончила училище, инженер и бригадир попросили ее к себе.

Распределив работу, Виктор Александрович подошел к своему бывшему станку. ДИП-200 встретил его холодным мерцанием станин и штурвалов. Двадцать четыре года он резал железо, повинуюсь рукам искусного мастера. И сейчас блестит, как новенький.

— Скучаешь по резцу, Виктор Александрович?

— Скучаю, Тамара; — признался Иканин.

Они посмотрели друг на друга, улыбнулись. Инженер Тамара Кузьминична Белоусова тоже после ремесленного попала под опеку Виктора Александровича и сейчас с благодарностью вспоминает то славное и незабываемое время, когда рабочий талант Иканина коснулся ее, и под руками ожили бездушные механизмы станка.

— Толковая ты была ученица, — словно угадав ее мысли, сказал бригадир. — Получился из тебя настоящий токарь...

Помолчав, Тамара Кузьминична спросила:

— Не жалко было расставаться с Сашей Барминым?

— Как не жалко. Недолго я его наставлял, но зато знаю, что пошел он дорогой старых мастеров. Придет еще к нам после армии, не сомневайся. А книжку наставника, где я вел записи о нем, сберегу... Ну, я пошел к себе в инструменталку...

Виктор Александрович осматрелся. Инструментальная цеха механизации занимала две большие комнаты. На стеллажах аккуратно разложен инструмент — целое богатство в понятии рабочего человека.

Выйдя на пенсию, Иканин и осел здесь: знакомо хорошо ему было и слесарное дело. А в токарную мастерскую тянуло и, когда предложили ветерану по совместительству бригадирство, он с охотой согласился. Имелась у него заветная мечта — довести трудовой стаж до пятидесяти лет.

Доставая напильники из ящика, Виктор Александрович нечаянно задел стакан с карандашами, и он со звоном покатился по полу.

Стаканом Иканину служила гильза от артиллерийского снаряда. Подняв ее, Виктор Александрович почувствовал в руках знакомый холод латуни.

...Тогда, в сорок третьем, руки у артиллериста были горячи, а латунь холодила, и он, старший лейтенант Иканин, чувствовал ее приятное прикосновение.

Форсирование Днепра. Фонтаны воды от взрывов, казалось, достигали небес. На глазах Иканина легко, словно пушинка, взлетел на воздух баркас с бойцами.

Когда командующий армией генерал Делюшенко вручил Иканину боевую награду, тот четко, как наяву, вспомнил все это.

А вот незабываемое: смертельный рывок сквозь кольцо окружения, пуля сразившая на бегу. Потом идущий на запад эшелен с военнопленными и прыжок в непроглядную тьму...

...Гильза стояла, отвечивая золотым боком, и на нее в упор смотрели зоркие, горячие, совсем не стариковские глаза.

А. ШЕВЧЕНКО.

На снимке: слесарь-инструментальщик цеха механизации медькомбината В. А. Иканин.